

Александр ЖУКОВ

Автор сборников лирических и иронических стихов, издававшихся с начала 1980-х годов в издательствах «Советский писатель», «Современник», «Правда», «Столица» и др. Лауреат премии «Золотой телёнок» Клуба «12 стульев» «Литературной газеты» и премии им. И. Сытина за издательскую деятельность. Член Союза писателей России, победитель конкурса «Лучшая книга 2008-2010» Московской городской организации СП России. Недавно в Центральном доме литератора состоялся музыкально-поэтический вечер, посвящённый 75-летию поэта, на котором юбиляру были вручены Диплом и знак литературной премии «Серебряный крест» за утверждение православных устоев в русской литературе.

Над крышей — небо мая.
Мне хочется летать!
Я руки поднимаю —
хочу повыше стать.
Встаю на подоконник —
подайше от земли!
А крылья спину колют,
да все не оторси.
Я руки поднимаю,
а ног не оторву.
Я это понимаю,
и всё-таки живу.

Отдохнуло.
Ливень отшумел.
Над головою, вскиннутой высоко,
мотора гул,
мохнатый, словно шмель,
над чащей, налитой цветочным соком.
Светило, округлив счастливый лик,
открытое,
без пятнышка сомненья,
опять глядит на землю с упоеньем,
сияя, как влюблённый ученик.

Не знающий забот,
весь день вприпрыжку,
в обличьи зелёном и босом,
май катит год,
как колесо мальчишка.
И сам бежит за этим колесом.

Я в ней души не чаю!
Не на свою ль беду
у пропасти встречаю,
над пропастью веду?
Едва заметной тропкой —
оступишься — конец! —
решительный и робкий,
мужчина и юнец.
Пусть сердце бьётся часто,
я ловок, как циркач,
на зыбкой нити счастья,
над бездной неудач.
Пока я рядом с нею,
пока мы с ней на «Вы»,
ни страха,
ни сомненья
на высоте любви!
Но совестно признаться:
переходя на «ты»,
я так боюсь сорваться
с той, чистой, высоты,
с той узенькой полоски,
где каждый шаг непрост,
туда,
где всё так плоско! —
Ни пропасти,
ни звёзд.

Окно.
И ночь вокруг окна.
И молний бурелом.
Я вижу женщину.
Она
склонилась над столом.
В ладони, полные обид,

Взором своим озари меня, Господи!

упала головой.
И плачет женщина
навзрыд.
И град —
по мостовой.
Вот отрешённо подняла
иконное чело
и смотрит в ночь
из-за стекла,
не видя ничего.
Вокруг окна темно,
чёрно.
А в нём — огонь живой.
А в нём — слеза
во всё окно
горит передо мной.

Утренняя молитва

Господи,
дай мне покоя душевного
встретить безропотно
день наступающий,
всё принимая: дары и лишения,
огнь пепеляющий
и свет исцеляющий.
Господи,
что бы ни встретил сегодня я,
слово худое
или дело недоброе,
дай мне не сделать
тебе неудобное,
мудрости мне дай
и терпение долгое.
Дай не сойти до желанья низкого
быть выше всех,
научи неразумного,
не унижать ни чужого,
ни близкого,
не обижать ни сегого, ни юного.
Не оставляй меня, сына незрячего,
дай мне увидеть свои прегрешения,
хладного разума, сердца горячего
в каждом свершении.
Дай мне во всякой гордыне
смирение,
дай мне раскаяние,
пусть даже позднее.
Светом небесным,
хотя б на мгновение,
взором своим озари меня,
Господи.

***
В этот ласковый, солнечный день,
переполнена вешней силой,
расцвела за окошком сирень,
та, что мама моя посадила.
***
Мамы нет вот уже сколько лет!
А сирень распустилась — как чудо!
Словно сыну родному привет
мама шлёт издалёка,
оттуда...
***
Ясным светом сияют цветы,
словно взгляд — материнской любовью.
Ты прости меня, мама, прости,
что я виделся редко с тобою,
что не очень я ласковым был
и давно не бывал у могилы,
что тебя я почти позабыл...

Ты меня до сих пор не забыла.
И, прощая любую вину,
и готовая встать на колени,
к моему прислонившись окну,
глядяшь стёкла ветвями сирени.

***
Всю весну я ходил мимо окон,
где так ясно сияли огни
в этом доме, большом и высоко,
что воздушному замку сродни.
Там смеялись, шутили, играли,
танцевали, садились за стол...
Но меня в этот дом не позвали.
Был я рядом, да мимо прошёл.

Нежный голос, так странно знакомый,
призывая, чаруя, маня,
пел за окнами светлого дома,
пел один среди всех —
для меня.
Но весна миновала и лето
потускнело, пошло на закат.
И не стало высокого света —
в светлом доме огни не горят.

Тихо в доме, приспущены шторы.
Кто-то умер? А может, больной? —
И, как раньше, как в светлую пору,
обхожу это дом стороной.
В тёмном доме, высоко и строгом,
отзвенели той песни слова.
Кто-то в чёрном стоит у порога —
может, дочка, а может, вдова...

***
На весеннем рассвете, в апреле,
под капель и журчанье вод,
я вернулся в ушедшее время,
что во мне неизменно живёт.
Я прошёл по годам отшумевшим,
по весенним, цветущим садам
меж родных и знакомых,
умерших,
что живут, неумершие, там.
Возле яблони старой,
той самой,
что у дома с дощатым крыльцом,
повстречался со старенькой мамой,
с постаревшим, но бодрым отцом.
Погружаясь в заботы былые,
с высоты настоящего дня,
я спросил их глазами: «Родные,
как живёте вам здесь без меня?»
И глазами в глаза мои прямо
заглянула и взгляд ответила...
Ничего не ответила мама —
до калитки со мною прошла.
И прощаясь со мною, прижалась,
за короткий приход не вина,
улыбнулась (иль мне показалось?)
и крестом осенила меня...

***
Девочка, как речка.
Вечер над Псковой.
В русое колечко
лучик завитой.

Сладко пахнет липой.
Не нужны слова,
где с рекой Великой
обнялась Пскова.
Наши судьбы — реки,
быстрая вода.
Разошлись навеки.
Знать бы,
кто куда?!

Девочка из Пскова,
сквозь течение дней
ты сняешь снова
в памяти моей.
Сквозь другие лица
чистый образ твой
светится, струится
речкой ключевой.

Сладко пахнет липой.
Ты во мне жива,

как в реке Великой
девочка Пскова.

***
Ни тебя, ни меня уже нет.
Но из памяти льётся и льётся
в наши души сияющий свет —
след того, что навек остаётся.

Через встречи, заботы, дела,
времена и пространства земные
он горит, не стораю дотла,
свет,
зажжённый когда-то впервые.

Нет ни века, ни года, ни дня
без горенья того, без свеченья.
Но он жжёт не тебя, не меня,
а твоё и моё продолженье.

Словно двое когда-то давно
вышли из дому в ночь на дорогу,
видят издали то же окно,
а друг друга увидеть не могут.

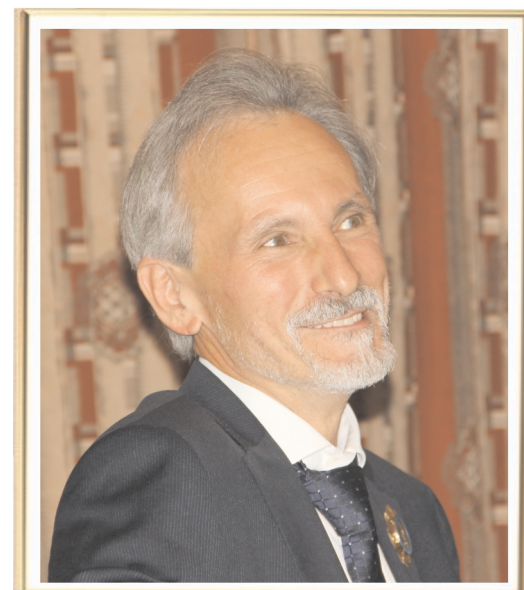
***
Вьются-кружатся
листья опавшие
над поникшей моей головой.
Неужели лишь ангелы падшие
станут ныне моею судьбой?

Чёрный ствол обгоревшего дерева
знаменует изломанный путь.
Неужели всё в жизни потеряно
и былого уже не вернуть?

Неужели всё в жизни утрачено? —
Даже бабьего лета не жди.
И, несмышное,
поступью вкрадчивой
пробираются в душу дожди.

И всё чаще, как лица румяные,
на холодном осеннем ветру
вьются-кружатся
листья багряные,
припадая щеками к стеклу.

На окне моём листья опавшие
догорают в последнем огне...
То не листья, то ангелы падшие
прилетают сегодня ко мне.

Сергей КРЮКОВ

Поэт, прозаик и переводчик, автор трёх книг лирики. Член Высшего творческого совета МОО СП России, арт-директор клуба «Литературные зеркала». Один из редакторов журнала «Плавучий мост». Лауреат нескольких литературных премий. Живёт и работает в Москве. Мы поздравляем Сергея с 60-летием!

***
Мне выпало счастье —
Живя на земле,
В охотку работать
За хлеб на столе,
Любить эту землю
И всё, что на ней
Живёт,
Расцветая в сумятице дней!
Мне выпала радость —
Устав от забот,
Вечерней порой
Постоять у ворот...
Закат догорает
Последним огнём
Так тихо,
Что хочется плакать о нём...

***
Я бреду, спотыкаясь о тени
Тех, которыми память жива.
Всё пыгаюсь нащупать ступени,
Где заветные зреют слова...
Нет, в пути не ищу я покоя,
О былом не жалею ничуть.
Достучаться бы в сердце людское,
Проложив к сокровенному путь.
Я с этими знаюсь, и с теми,
Но пока вызревают слова,
Всё бреду, спотыкаясь о тени
Тех, которыми память жива...

***
Звёзды в чёрную воду упали,
Опустились на самое дно.
Небеса, как обычно, купали
То, что людям купать не дано.
Небесам уступает без боя

Ширь земная — любой водоём,
Водяное пространство любое...
Глади весело с небом вдвоём...
Необъятность небесного круга
И уютная малость пруда
Навсегда просочились друг в друга —
И бездонною стала вода...
И — ни думать не мог, ни гадать я,
Что, ныряя в полночном пруду,
Я отрину земные объятия —
И в объятия небес упаду...

***
С годами всё реже и реже
Выходишь смотреть на закат,
Но всё же порою, как прежде,
С природою встретиться рад.
Всплала тревожная птица
Над речкою цвета небес,
И красное солнце садится
За чёрный взерошенный лес...
И кажется, тихо и робко
За сумраком леса вдали
Огромная божья коровка
Сползает за кромку земли.

***
Зависла над бездною птица.
И рыба застыла на дне.
Тоска бесприсветно сочится,
Свинцом оседая во мне...

Во мраке вселенского спуда
Смирная унынья разгул,
Едва ли надеясь на чудо,
Я сердце своё распахнул...

О, Небо! — пронзительно-светел,
Рождается лучик во мне...

Где заветные зреют слова ...

Бей, птица, крылами о ветер!
Бей, рыба, хвостом по волне!

Полюшко

О поле, поле, кто тебя
Усеял мёртвыми костями?..
А.С. Пушкин.

Металл осыпается песком
Неукротимой ржи,
Живые ткани и тряпье
Бесследно слижет гниль.
И кости белым порошком
Осыдут в пыль межи.
И тени бросит воронё
На втопанный ковыль.

О поле, кто тебя топтал,
Кто кровушкой полил?
Откуда лютая вражда
На праведной земле?
Кто, взяв заточенный металл,
Излил жестокий пыл?
И отчего же так чужда
Душа душе — во зле!

Стекло небо, зной палит,
Выдавливая соль.
Сквозь ветра терпкую струю
Сочится волчий вой.
Изнемогая, степь звенит,
Одолевая боль.

В веках над полюшкою стою,
Истории... изгой.

Мизинец Паганини

Орфею брат, средь ночи синей
Смычком взрывал он тишину.
Одним мизинцем Паганини
Враз мог бы выиграть войну.

Неукротимый, как испанец,
Он искры взглядами исторгал.
И по струне скользивший палец
Струну стальную — зажигал.

И каждый видел не однажды,
Как ввесь взмывал крылатый конь.
И проклинал в испуге каждый —
Во тьме бушующий огонь.

Кричали: «Дьявол — Паганини!».
Ломились — все на одного...

Господь создал его мизинец.
Создал — и было, для чего.

***
Страсть её небесами не венчана,
Но спугнуть это чудо не смей:
Молодая красивая женщина
Упивается страстью моей.
В женской страсти —
прозрение сущего,
И спугнуть её — значит украсть,
Не самую ли жизнью отпущена
Слабой женщине — сильная страсть?

Подбитая птица

Я видел подбитую птицу.
Она молотила крылом,
За небо стремлась зацепиться.
Но крепко держал перелом.
Казалось, нет силам предела.
Чуть-чуть бы — и птица взвилась!
Но смертная мука глядела
Со дна стекленеющих глаз,
Безудержно меркли в которых
Зарницы высокой мечты,
Разливы бескрайних просторов,
Открытых глазам с высоты...
А памятью дали осила,
Увижу, как, Бога моля,
Всё рвётся ты к небу, Россия,
Подбитая птица моя.

***
Чёрный журавль,
Чёрный аист и бурый медведь...
Чёрные метки
на солнечной карте Курильской.
Словно природа смогла
сквозь века разглядеть
Нашей истории путь,
Непрямой и бутристый.

Сколько веков
На Курилах — тутая война
Косит людей —
россиян и японцев, и айнов.
Не потому ли,
что метка уж больно черна
Здесь по велениям Неба,
Отнюдь не случайным?

Многая лета, —
Кричу в восходящую синь, —
Всем, кто оставит в веках
негасимую память!
Только в ответ — колокольное эхо:
«Остынь! —
Мало ли, что вам взбредёт
За собою оставить!»

Свеча

На картине погасла свеча.
В первом — ночь черным-черна,
Во втором — слепящий день,
В третьем — лишь заката тень.
Прорубить пора давно
И четвёртое окно,
Да икона на стене
Как рассвета луч в окне.

Ты бледнеешь во власти его.
Не хочу. Не хочу! Не хочу!!!
Ты увидишь, как в миг роковой
На картине зажгу я свечу...

***
Мне обижаться-то,
вроде как, не на что,
Да и, пожалуй, — смешно...
Колокола созывают ко всенощной,
Звуки втекают в окно.
Колокола призывают к смирению.
Может, когда и смирюсь.
Если закончится в сердце горение
И позабудется грусть.
Нежное сердце разлуки не вынесло.
Но — отчего же, скажи,
Не умирают счастливые вымыслы,
Не отстают миражи?
Ты мне дарила
ни с чем не сравнимое
Солнечных дней забытьё.
Я согреть не устану, любимая,
Нежное сердце твоё.

Монумент

На этот танк ещё мальчишкой
Я залезал из баловства.
И люка башенного крышку
Приподнимал едва-едва.
Теперь и рад бы влезть на башню,
Лугам панамой помахать... —
Да позабылся день вчерашний,
А время течёт не хочет вспять.

Возвышен танк на пьедестале
Который уж десяток лет.
А грозных боевых батальон
Давно растаял дымный след.
Покрылся ржой ленивый барин,
Но мне его — не пожалеть:
Я бесконечно благодарен,
Что танку можно поржаветь.

Мгновение

Остановись, мгновение!
Ты прекрасно.
И.В.Гёте «Фауст»

Снег выпал —
И такая тишина,
Что слышно соловьёв
грядущих вёсен.
Загадочная зимняя страна
Висит на иглах
Опушённых сосен...
В ладоши хлопни —
Рухнет снег на снег,
И эхо с эхом встретится в полёте.
И — для чего здесь нужен человек,
Вы никогда, наверно, не поймёте...
Ловлю ладонью
Лучик золотой.
Доверчиво он на руку ложится.
Остановись, мгновение,
Постой! —
Такое — никогда
Не повторится...

